

ВЛАДИМИР БУТРОМЕЕВ

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ВРЕМЕНИ

БЕЗ ЛОЖНЫХ ВЫДУМОК
СТИВЕНА ХОКИНГА

ЧТО ТАКОЕ
ВРЕМЯ
И
ЧТО ТАКОЕ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Владимир Петрович Бутромеев
Подлинная история времени
без ложных вымыслов Стивена
Хокинга. Что такое время.
Что такое национальная идея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24430222

ВЛАДИМИР БУТРОМЕЕВ:

ISBN 9781773133973

Аннотация

Эссе «Подлинная история времени без ложных вымыслов Стивена Хоккинга» из трилогии «В призраках утраченных зеркал» («Земля и люди», «Исчисление времени», «Жизнь людей») В.П. Бутромеева. Чтобы понять что такое время, нужно ответить на вопросы: «Что такое жизнь? Что такое смерть? В чем смысл жизни? Что такое национальная идея?» Поэтому вопрос о времени всегда был основным, главным вопросом для любого мыслящего человека. Правильное представление о том, что такое время сложилось во времена Древней Греции. Галилео Галилей вернулся к нему в эпоху Возрождения. История вопроса о времени напоминает историю вопроса о том, что находится в центре нашей планетной системы – Земля или Солнце. То, что Земля вращается вокруг

Солнца прекрасно знали еще древнегреческие философы. Но после мракобесия Средневековой ночи потребовалось «открытие» Коперника, подтвержденное словами Галилея: «И все-таки она вертится!», чтобы возвратиться к правильному пониманию того, как устроены ближайшие окрестности Вселенной. В наши дни широкое распространение получила псевдонаучное представление о времени Стивена Хокинга. Оно замаскировано наукообразными, якобы недоступными пониманию непосвященных доводами, которые нужно принимать на веру и которые излагаются как священные истины в последней инстанции, не требующие доказательств и не допускающие сомнений. Все выдумки Хокинга основаны на мистических домыслах и на результатах преславитых «мысленные экспериментов». Само выражение «мысленный эксперимент» подобно выражению «жареный лед». Но эти «мысленные экскременты», приправленные сказками про «кротовые норы» и «черные дыры», по которым можно попасть в иные миры и пространства, побывать в прошлом и в будущем и обеспечить себе бессмертие, привлекают внимание тех, кто склонен довольствоваться дешевыми фантазиями вместо реальной картины мира. Предлагаемая книга не посвящена разбору всех этих глупостей. В ней просто излагается подлинная история вопроса о времени. И для того, кто хочет и может понимать мир, в котором он живет, этого достаточно. А кроме того это намного интереснее всех бредовых фантазий Хокинга, его предшественников и наивных последователей.

Содержание

Владимир Бутромеев	9
О ПОТЕРЕ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА, ЗНАНИИ И НЕЗНАНИИ	11
О КАМНЕ, ПАДАЮЩЕМ ВНИЗ	14
КУРИНОЕ ЯЙЦО	17
ВЕЧНЫЙ БЕГУН НА БЕСКОНЕЧНОЙ ДИСТАНЦИИ И СТРАХ СМЕРТИ	22
О ПЕРВОМ САМООБМАНЕ	25
ВТОРОЙ САМООБМАН	30
ТРЕТИЙ САМООБМАН	35
И ВСЕ ЖЕ ЭТО ТОЛЬКО САМООБМАН	40
О РАЗНИЦЕ МЕЖДУ САМООБМАНАМИ И ОБМАНАМИ	43
ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ ОБМАНОВ	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

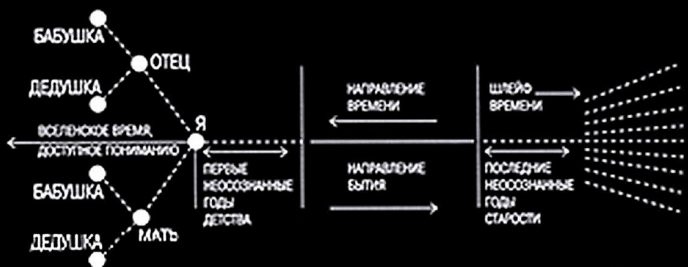
Владимир Бутромеев

ВЛАДИМИР БУТРОММЕВ

Владимир Бутромеев Владимир Бутромеев – современный прозаик. Пьеса «Страсти по Авдею», написанная по одной из глав романа «Земля и люди», в постановке Белорусского Академического театра, вошла в число классических произведений белорусской драматургии, в 1991 году была выдвинута на Государственную премию СССР. В Белорусском Академическом театре была поставлена и часть трилогии Владимира Бутромеева «Театр Достоевского». («Один судный день из жизни братьев Карамазовых», «Преступления бесов и наказание идиотов» и «Вечный Фома»).

Роман-мистификация «Корона Великого княжества» в 1999 году получил премию журнала «Дружба народов» как лучшая публикация года и вошел в шорт-лист премии «Русский Букер». Первая часть дилогии «Земля и люди» цикла романов «В призраках утраченных зеркал» была издана ограниченным тиражом и вошла в лонг-лист премии «Ясная поляна» и шорт-лист премии «Золотой Дельвиг» в 2015 году. Владимир Бутромеев лауреат историко-литературной премии «Клио» 2015 года.

ПРАВДА ЛИ ТО, ЧТО ЛЮДИ СМЕРТНЫ?

ЧТО ТАКОЕ ВРЕМЯ?

ПОЧЕМУ НЕ НУЖНО ВЕРИТЬ
ГЛУБОКОМЫСЛЕННЫМ ВЫДУМКАМ
СТИВЕНА ХОКИНГА, ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ
И ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ О КРОВОТЫХ НОРАХ, ВЕДУЩИХ В ИНЫЕ МИРЫ?

ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ ЖИВЕТ ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ?

Владимир Бутромеев

**Подлинная история времени без
ложных выдумок Стивена Хокинга**

ЧТО ТАКОЕ ВРЕМЯ

ЧТО ТАКОЕ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

ПРАВДА ЛИ ТО, ЧТО ЛЮДИ СМЕРТНЫ?

ЧТО ТАКОЕ ВРЕМЯ?

**ПОЧЕМУ ВОЗНИКАЕТ ИЛЛЮЗИЯ,
БУДТО ВРЕМЯ ДВИЖЕТСЯ ВПЕРЕД,
ХОТЯ ОНО ДВИЖЕТСЯ ТОЛЬКО НАЗАД?**

**ПОЧЕМУ ЕДИНСТВЕННОЙ ВЕРНОЙ
ЕДИНИЦЕЙ ИЗМЕРЕНИЯ ВРЕМЕНИ
ЯВЛЯЕТСЯ ТОЛЬКО КОЛИЧЕСТВО
УДАРОВ СЕРДЦА ЧЕЛОВЕКА?**

ПОЧЕМУ НЕ НУЖНО БЕРИТЬ

О ПОТЕРЕ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА, ЗНАНИИ И НЕЗНАНИИ

Человек, несомненно, сотворен для того, чтобы мыслить, в этом его главное достоинство и главное дело его жизни, а главный долг в том, чтобы мыслить о самом главном. И начать нужно с размышлений о самом себе, о своем создателе и о конце своего существования...

*Человек всего лишь тростник, но он тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, не нужно всей Вселенной – достаточно дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже его уничтожит Вселенная, человек все равно возвышеннее, чем она, потому что он сознает, что расстанется с жизнью и что он слабее Вселенной, а Вселенная ничего не сознает... Наше достоинство – не в овладении пространством, а в умении разумно мыслить. Я не стану богаче, сколько бы земель я не приобрел, потому что с помощью пространства Вселенная все равно охватит и поглотит меня, а вот с помощью мысли я охватываю Вселенную.
Б. Паскаль «Мысли».*

Во времена больших и малых исторических потрясений большинство людей утрачивают здравый смысл и теряют представление о самых простых истинах и понятиях. Что уж тогда говорить о таких понятиях, как время, смысл бытия

и национальная идея и об ответе на вопросы: зачем мы живем, и что с нами будет после смерти. На эти вопросы люди никогда не могли ответить, даже в самые лучшие времена, в отличие от времен больших и малых исторических потрясений, не располагающих к спокойному и продуктивному мышлению.

Ученые и философы, поэты и пророки, мудрецы и прорицатели, атеисты и верующие обычно всегда уходят от этих вопросов. Одни объясняют все Большим взрывом, другие волей и желанием Бога. А когда встает вопрос: а что же было до Большого взрыва и до Бога и что все-таки будет после смерти, которой никому не дано избежать, пускаются в домыслы, мало чем отличающиеся от сказок. Все пытаются уйти от прямого ответа и сказать честно: это никому не известно. Это недоступно человеку, это непознаваемо.

Все, кто пытаются отвечать на эти вопросы, нелепо барахтаются на границе конечного и бесконечного, стараясь выдать собственные фантазии за истину, пичкая их разными научными данными и сведениями, загромождая логическими построениями, с основаниями, противоречащими всякой логике, выстраивают стройные здания на химерических фундаментах, вместо того чтобы назвать вещи своими именами – непознаваемое назвать непознаваемым, а тому, что познано, дать ясное определение.

Один греческий философ, беседуя со своим юным учеником о сути познания, начертил посохом на песке небольшой

круг и сказал: «Таким был круг моих знаний о мире в молодости». Потом он начертил рядом другой круг, во много раз превосходящий размерами первый. «А вот такой круг моих знаний теперь».

Расширение круга знаний ведет к увеличению непознанного, ответ на один вопрос о мироустройстве порождает десятки новых вопросов, требующих ответа.

Конечно, за последние пять тысяч лет существования мыслящего человечества многое из того, что казалось недоступным уму древнего человека, якобы познано. От простого незнания и непонимания основных принципов мироздания человек прошел путь до современных знаний о строении атома, элементарных частиц и представлений о то ли бесконечной, то ли конечной Вселенной. Но за все это время человек не смог ответить ни на один вопрос о начале и смысле бытия окончательно, так, чтобы ответ не повлек за собой очередного вопроса, остающегося без ответа.

Человек многое понял – как что-то устроено, как что-то происходит, но нет ни одного ответа на вопрос: почему это именно так устроено, почему это именно так происходит, а уж тем более – зачем все это.

О КАМНЕ, ПАДАЮЩЕМ ВНИЗ

Вот человек берет камень и держит его перед собой на ладони, вытянутой руки. Потом поворачивает руку ладонью вниз и камень падает на землю, на которой стоит человек.

Почему он падает?

Ну как почему, потому что, как это объясняет закон всемирного тяготения, планета Земля притягивает к себе этот камень. Как притягивает, каким образом, каким способом, каков механизм, какова суть этого притяжения? Не спрашивая даже зачем притягивает?

Что значит притягивает? Человек садится к столу, на столе лежит тот же камень. Человек берет его пальцами своей руки и сгибая руку, благодаря сокращению мышц руки, тянет камень по столу и притягивает его к себе.

Как планета Земля притягивает к себе камень, почему-то не удерживающийся под повернутой вниз ладонью, и падающий к Земле в результате ее притяжения? Где притягивающая его невидимая рука, как сокращаются мышцы этой невидимой руки, притягивающей камень?

Человек поднимает с земли только что упавший на нее с ладони камень, привязывает к нему шнурок, другой конец шнурка держит двумя пальцами и движением кисти руки начинает вращать камень над головой. И, о чудо из чудес, камень не падает на планету Земля, под ноги человека. Он вра-

щается над его головой по небольшой орбите, радиус которой равен длине шнура. И не падает вниз, оставаясь в плоскости своей орбиты вращения над землей, над планетой Земля, удерживаясь чуть повыше головы человека, вращающего его движением кисти своей руки.

Дело известное, скажет любой ученый физик, камень не падет вниз потому, что его удерживает сила вращения, уравновешивающая силу притяжения планеты Земля.

Как удерживает?

Ведь вращающийся по своей маленькой орбите камень не удерживает от падения вниз даже шнурок, на котором он привязан. Шнурок не мешает камню упасть вниз, проделать путь падения к притягивающей его неведомо каким образом планете Земля на расстояние равное длине шнура, и только после этого шнурок удержит камень от дальнейшего падения к планете Земля под действием ее, планеты Земля, таинственного притяжения.

Так как же не менее таинственная и необъяснимая сила движения удерживает вращающийся по своей маленькой орбите камень над Землей? Как, почему и опять же – зачем?

Человек не мог ответить на эти вопросы несколько тысяч лет тому назад, когда на охоте бросал этот камень вслед убегающему животному или запускал такой же камень, с помощью пращи, в лоб своему врагу или обтесывал этот же камень другим камнем, чтобы придать ему форму и вид каменного топора. Не может он ответить на эти вопросы и се-

годня, располагая микроскопами, отправляя в космос сверхмощные телескопы и сооружая сверхдорогостоящие электронные коллайдеры.

КУРИНОЕ ЯЙЦО

И вот тот же человек, которому то и дело хочется покушать, берет в руку не камень, а куриное яйцо. Куриное яйцо внешне похоже на камень, его оболочка, сама по себе очень тоненькая, но в общем-то каменная. А внутри яйцо жидкое, оно наполнено прозрачной, бесцветной жидкостью с желтым сгустком в центре, тоже жидким.

Человек ставит на огонь чугунную сковородку с двумя кусочками обыкновенного свиного сала или кусочком коровьего масла, слегка ударяет яйцо о край сковородки и разведив пальцами рук треснувшую тонкую каменную скорлупу яйца, выливает его жидкое содержимое на сковороду. Бесцветная часть жидкости заполнявшая оболочку яйца тут же вскипает с характерным шипением и становится белой – поэтому ее и называют белок. А желтый сгусток из центра яйца остается желтым – его за цвет называют желтком. Все вместе это называется яичницей-глазуньей, потому что желток посредине белка похож на зрачок глаза. Глазунья бывает из одного яйца или из двух, но бывает и из четырех и даже из двенадцати. Приготовить ее можно за несколько минут. А когда она готова, ее тут же съедают, слегка посолив.

Внутри своей тонкой каменной скорлупы яйцо жидкое. Жидкое его содержимое оказавшись на раскаленной сковороде спекается, зажаривается, превращаясь в желеобраз-

ную массу однородного мягкого белка и однородную такую же мягкую массу желтка. И съедая яичницу-глазунью, человек не обнаруживает в зажарившейся массе ни одной твердой крупички, как не обнаруживает он ничего твердого, когда выпивает сырое куриное яйцо или съедает его вареным, продержав несколько минут в кипящей воде.

Но если такое же самое куриное яйцо положить под курицу, чтобы она согрела его своим теплом, или даже просто в ячейку инкубатора, с такой же температурой, то через некоторое число дней случится невероятное, невообразимое чудо.

Яйцо, не ударяемое о край чугунной сковородки и никем не разъединяемое на две половинки, само-собой треснет, скорлупа начнет крошиться и отваливаться и, освобождаясь от плена тесной каменной оболочки, из нее вылупится цыпленок. Каким-то чудом из жидкого содержимого яйца, из комка слизи белка и сгустка желтка образуется существо с ногами и клювом, с твердыми костями, покрытое пухом и перышками, существо с бьющимся сердцем, с глазами, видящими этот мир и с мозгом – куриным, но мозгом, мгновенно управляющим маленьким тельцем, да так хорошо, что цыпленок тут же начинает ходить и даже бегать на своих двоих ногах – человеку, ребенку потребуется почти год обучения и поддержка матери, чтобы, к ее радости, сделать несколько первых, неуверенных, робких шагов.

Как, каким образом, почему и зачем из жидкой слизи на-

глухо запертой в каменной оболочке скорлупы куриного яйца, через микроскопические поры которой мог проникать только воздух и никакие другие «материалы», образовались твердые кости и клюв цыпленка? А сердце? А мозг и глаза? А перья?

То же самое происходит и с любым живым существом, включая и человека, но на примере куриного яйца это очевиднее и нагляднее.

В детстве я несколько раз видел, как курицу-квохтуху (квохтухой ее называют потому, что она, созывая цыплят, издает звуки квох-квох, а еще более точно ее называют наседкой) сажали в большую корзину, на дне которой лежало два десятка яиц. Потом через некоторое время из этих, насиженных курицей-наседкой яиц, вылуплялись цыплята.

Это могут наблюдать и все ученые всех Академий наук во всех лабораториях всего мира. Наблюдать могут, но объяснить, что и как, а главное зачем происходит, не могут. Понять как из сгустка жидкой слизи вдруг получается пушистый желтый цыпленок, недоступно им, как было доступно и мне в мои четыре года, когда я впервые увидел это, казалось бы, совсем не удивительное, обычное по весне в домашнем хозяйстве, явление.

Возможно когда-либо человек сумеет из отдельных атомов элементов и элементов таблицы Менделеева собрать и яйцо и цыпленка. Но почему и зачем эта сумма атомов не остается неживой, подобно сумме атомов каменной оболоч-

ки яйца, а становится живой, то есть взмахивает крылышками, клюет зернышки и, услышав призывный звук голоса курицы, заметившей в небесах коршуна или другого разбойника – крадущуюся кошку – изо всех сил мчится под крыло матери-наседки, понять человеку не дано.

По предложению академика И. П. Павлова поставлен памятник собаке за вклад в науку. Где-то, кажется, поставили памятник лабораторным мышам. Человеку следовало бы поставить и памятник куриному яйцу и курице. Куриное яйцо и курица, а так же петух занимают особое место в процессе развития мышления человека.

Когда древнегреческий философ Платон впервые попытался ответить на вопрос: «Что такое человек?» – он сказал: «Человек – это животное на двух ногах, лишённое перьев». Тогда бессердечный Диоген ощипал живого петуха (лишил его перьев), принес его в академию Платона и сказал: «Вот платоновский человек!» Платону пришлось добавить к своему определению: «И с широкими ногтями».

Безжалостно ощипанный петух, пострадавший во имя философии, достоин памятника. Как и курица со своим яйцом – не одно тысячелетие человек пытался ответить на вопрос: «Что первее: курица или яйцо?», но так и не ответил, да и не ответит никогда, довольствуясь только возможностью попытки.

Будет ли в будущем дан ответ хотя бы на один такой вопрос? Ответ ясен: нет. И нужно сказать честно: ни один та-

кой ответ невозможен. Человеку доступен только некий круг знаний, а всё за пределами этого круга недоступно для человека.

ВЕЧНЫЙ БЕГУН НА БЕСКОНЕЧНОЙ ДИСТАНЦИИ И СТРАХ СМЕРТИ

Круг знаний одного отдельно взятого человека определяется не только возможностями его ума, но и сроком продолжительности его жизни. С детских лет до старости круг этот возможно расширять, но до определенных пределов. И круг знаний человечества как такового тоже всегда имеет предел, границу, за которой всегда будет непознанное.

Может ли бегун пробежать бесконечную дистанцию? Нет, ведь рано или поздно он умрет, пробежав только часть бесконечной дистанции. А если бегун бессмертен и может бежать вечно – пробежит ли он тогда до конца бесконечную дистанцию? Конечно же нет. Ведь дистанция бесконечна, и бегун будет вечно бежать, но добежать до конца он не сможет никогда. Таков ответ на этот вопрос.

Если, конечно, отвечать честно, без комплексов неполноценности, которые вынуждают человека врать самому себе, тихо, наедине с самим собой, и громко, безудержно фонтанируя глупыми выдумками перед публикой, надеясь ее одурачить, кувыряясь на границе круга знаний с окружающим его со всех сторон непознаваемым.

Разложение русского народа в начале XX века, его мо-

ральное уродство на протяжении этого века, деградация и вырождение в XXI веке ведут к духовному и интеллектуальному одичанию, потере всяких ориентиров в бездне бытия и к утрате понятий о времени, о смысле жизни и о национальной идее.

Отрезвляет только страх смерти.

Понятия времени, смысла жизни и национальной идеи естественны, человек понимает их так же, как и дышит, не замечая, чем и как он дышит – пока есть воздух. Формулировок и определений они требуют только тогда, когда человек или народ начинают выбиваться из естественной колеи жизни.

Когда нечем дышать и человек начинает задыхаться, он судорожно хватается ртом воздух, которым раньше дышал, не обращая внимания на то, что он – воздух – есть.

Человек со здоровым сердцем не интересуется, как оно, его сердце, устроено, и не прислушивается к его биению. Ему недосуг задуматься, зачем и для чего оно бьется – ровно и спокойно во время неспешной прогулки по старой липовой аллее или в бешеном ритме, когда мчишься с кем-нибудь наперегонки, и чуть не выскакивает из груди, когда первый раз отважился взять за руку любимую девушку, или оно вдруг замирает, словно проваливаясь в пропасть, когда слышишь о том, что умер близкий, родной человек, с которым расстался только вчера, казалось, совсем ненадолго, а вдруг оказалось – навсегда и безвозвратно.

О том, как бьется твое сердце и зачем и почему оно бьется, задумываешься только тогда, когда оно начинает давать сбой и его остановки ввергают в обмороки и начинают пугать.

О ПЕРВОМ САМООБМАНЕ

Да, мысли о смерти отрезвляют.

Мысли о смерти заставляют вернуться к здравому смыслу. Ведь человек все-таки обладает способностью мыслить, рассуждать. Но делает это не всегда. Суета, увлечения, пустячные хлопоты, ничтожные желания отвлекают от вопросов – отдельного человека – о смысле жизни, народы и нации – от вопроса о национальной идее.

Только угроза – отдельному человеку – потерять жизнь, народу, нации – исчезнуть с лица планеты, заставляет задуматься.

Но даже и от мысли о смерти человек, люди спасаются самообманами.

Барахтаясь в потоке жизни или мотыльком весело порхая над этим потоком – уж как кому повезет, – человек живет, почти не задумываясь, не страшась ни старости, ни смерти. Ведь старость наступит не сегодня и не завтра, а когда-то потом.

Да, на глаза то и дело попадают старики, многие из них даже очень живописны и могут что-нибудь посоветовать, а то и рассказать какую-нибудь притчу, подчас занимательную и поучительную. Но какое отношение они имеют ко мне, молодому, всегда куда-то торопящемуся?

А что касается смерти – да, я знаю, люди умирают (и не

только старики) и их хоронят, но ведь умирают другие люди, а не я. Правда, с годами вольно-невольно иногда задумываешься: умирают другие, а не я, но я такой же, как эти другие, а значит, видимо, умру и я. Тем более известно – никто еще не избежал смерти.

Кай умер. Значит, Кай смертен. Кай человек. И я человек. Так что же получается – и я смертен? И я тоже умру? Но я не хочу умирать. Да, я человек, как и Кай. Но я ведь не Кай, который умер – это он умер, а я вот живу, я не Кай и, следовательно, не умру.

Кай умер, Кай человек, я тоже человек, следовательно, умру и я – это силлогизм.

«Силлогизм» слово древнегреческое. В переводе – умозаключение, а также размышление, подытоживание, доказательство. Или, как точнее, полнее сформулировано согласно определениям, принятым в науке логике (слово опять же древнегреческое, в переводе: слово, мысль, речь, разум), силлогизм – это умозаключение, в силу которого нельзя не согласиться с истинностью того, что вытекает, следует из очевидной посылки.

Хотелось бы не согласиться, или хотя бы усомниться, да же просто отмахнуться, но вот ведь как определено, без исключений и вариантов, сказано древними греками: нельзя.

А если, вопреки всему, все же отмахнешься, то ненадолго. Категорическое умозаключение о связи смертности некоего Кая, из гимназического учебника логики, с тем, что впе-

реди ждет тебя самого, то есть со своим будущим, далеким ли, близким ли, всю жизнь не давало покоя графу Л.Н. Толстому, великому русскому писателю. Многие даже считают, что именно рассуждения и разного рода размышления на эту тему – тему жизни и смерти – и способствовали тому, что Толстой стал великим писателем, известным не только в России, но и во всем мире.

Ибо, если бы граф, не поддаваясь всем этим опасным, навязчивым и неотступным мыслям о возможной смерти, жил себе в удовольствие – всласть ел и пил, плодил детей, играл в карты, брюхатил податливых стройных деревенских девок и верхом на горячих лошадях со сворами быстроногих борзых гонялся по окрестным лесам и полям за зайцами и матерыми разбойниками волками, то он не стал бы исписывать горы бумаг и имя его осталось бы никому не известным, как имена многих других Толстых, род которых продолжается по сей день.

Имя П. Смирновского мало кто знает, а его должны бы помнить все грамотные люди в России начала XX века. П. Смирновский – автор «Учебника русской грамматики». Не пускаясь ни в какие умозаключения, не прибегая ни к каким силлогизмам, не опираясь ни на какие посылки и не вспоминая ни про какого Кая, он написал, как и следует писать грамматику, в отличие от всякого задумчиво-путанного писателя – ясно, четко и твердо: «Дуб – дерево. Роза – цветок. Олень – животное. Воробей – птица. Россия – наше отече-

ство. Смерть неизбежна».

Написанное Смирновским незатейливое упражнение для гимназистов младших классов сложилось в краткое высказывание, всеохватывающий афоризм (так все те же древние греки называли меткое, совершенно законченное и самодостаточное определение). Его, этот неожиданный, непреднамеренный, но истинно справедливый афоризм писатель В. Набоков поставил эпиграфом к одному из своих невразумительно длинных романов, в которых, во всех вместе взятых, он так и не смог сказать больше немногословно точного Смирновского, хотя и ознакомился по его грамматике с русским языком, впоследствии Набокову не понадобившимся. И тем не менее мысль – не рожденная Смирновским, а только им сформулированная кратко, точно и доходчиво, вышла за пределы гимназического учебника.

Еще древние греки поняли, что человеку дано знать, что он смертен, но не дано знать ни время смерти, ни ее вид, то есть никто не может знать, когда он умрет и как.

Смерть возможна в один из периодов жизни, а их всего несколько: бессознательное детство, сознательное детство, отрочество, юность, зрелость, деятельная старость, бездеятельная, но осознанная старость и бессознательная старость. Точнее время смерти определяется годом жизни, человек может умереть в любой из годов в промежутке 1 – 158.

Видов смерти много. Есть несколько обычных и распространенных: от болезни, от старости, от голода и на вой-

не. Есть и экзотические и нелепые – от неловкой попытки проглотить кусок пищи до попытки распилить электропилой противотанковую мину, чтобы достать из нее взрывчатое вещество для браконьерской рыбалки.

Смерть неизбежна. От нее не уйдешь, не убежишь, не спрячешься. Это очевидно, как и то, что дуб – дерево, а роза – цветок, олень – животное, воробей – птица, а Россия – наше отечество.

ВТОРОЙ САМООБМАН

И тем не менее люди в большинстве своем, зная и догадываясь о том, что они смертны, пытаются обмануть себя. А когда не спасает первый самообман, заключающийся в том, что, мол, умирают другие, а не я, а раз умираю не я, а другие, то, значит, я не умру и буду жить всегда, тогда человек прибегает ко второму самообману – их, этих самообманов, опирающихся хотя бы на какие-то, казалось бы разумные посылки, и всего-то три.

Прочих, основанных на очевидной глупости, чуть больше, но тоже немного.

Второй самообман заключается в убеждении, что я не умру, потому что после смерти буду жить в своих детях и внуках. Дети и внуки наше продолжение, как бы наше повторение, они останутся после того, как мы все-таки покинем этот мир. А раз они остаются после меня, то, значит, я не умру, а продолжусь в них.

Ведь дети так похожи на родителей. Иной раз просто поразительная копия. Такие же лица, фигура и даже форма ногтей на пальцах и линии на ладонях рук, а иногда даже такие, как и у родителей, черты характера, такие же жесты и мимика. А если не совсем похожи в целом, то, присмотревшись, легко заметить – глаза-то совсем как у мамы, а ухо – совсем как у отца.

Второй самообман намного сильнее первого. На него больше надежд. Я не умру, не исчезну бесследно и навсегда, потому что я – часть извечной, магической, почти осязаемой цепи – прадеды и деды, отцы, я, мои дети, внуки, правнуки.

Эта цепь тянется из темных глубин прошлого, из ночных звездных бездн и пространств, уходит в неведомое будущее, и я одно из звеньев этой цепи, она непрерывна, вечна, а значит, я не умру, не исчезну, останусь в своих детях, нужно только вырастить их, дождаться внуков, а еще лучше правнуков – да это очевидно: цепь непрерывна, и я – звено этой цепи, а следовательно, не умру.

Но все-таки это самообман и не более того.

Первый самообман разрушается сам собою, на подсознательном уровне, исчезает, как легкий туман, скрывавший утром кусты и деревья на опушке дремучего леса, в который страшно входить, но входить придется. Туман рассеивается и ты видишь, что дорога ведет туда – в неведомую, страшную чащу, из которой никто никогда не возвращался.

Второй самообман сильнее. Ведь дети, мои дети, мое продолжение, вот они, рядом, люди умирают, а дети их остаются, продолжают тех, кто их родил, продолжусь и я в своих детях.

Но стоит задуматься и тут же возникают сомнения.

Вот он я. Вот моя жизнь, мир, в котором я живу, круг моих интересов, мои мысли, надежды, стремления. Что в моей жизни от моего отца? Кроме черт лица, кроме сходных ин-

тонаций голоса, походки? Нетрудно припомнить жизнь отца и сразу становится ясно – это была другая жизнь, отец жил и прожил свою жизнь, совсем на мою жизнь не похожую. А моя жизнь совершенно иная, она моя, по сути своей совершенно ничего общего с жизнью моего отца не имеющая.

Продолжается ли мой отец во мне? В моей жизни – кроме воспоминаний о нем? Есть ли он во мне?

Нет, во мне есть только я. Это очевидно при здравом размышлении. Как бы я ни был похож на отца, на мать и даже, если я продолжаю дело отца – я это я, только я, во мне нет никого, кроме меня.

Следовательно, как и мой отец не переселился в меня и не продолжает свою жизнь во мне, так и я не продолжусь в своих детях. Они похожи на меня, но у них своя жизнь. Это не мешает мне любить их, радоваться их успехам, огорчаться их неудачами, хотеть, чтобы они были счастливы, видеть в них смысл жизни – но только при своей жизни, а никак не после своей смерти.

Для того чтобы понять тщетность второго самообмана, нужно думать, размышлять, что делают не все и что не всем присуще, да и не всем под силу. Второй самообман разрушается не сам, его довольно трудно разоблачить, да и этого не нужно делать. Он дает возможность людям жить поколениями, родственно связанными между собой, и находить смысл в продолжении младшим поколением старших поколений и в поддержке старшими поколениями младших поколений,

приходящих им на смену.

Это как бы позволяет дать понятный ответ на вопрос зачем живет человек в этом мире, на этой земле и даже сформулировать этот ответ в виде афоризма. Человек живет, чтобы построить дом, посадить дерево и родить сына.

И вот позади не отягощенное никакими смыслами детство, наивная, торопливая, беззаботная юность, и даже зрелость с ее заботами и приобретенным опытом. И дом уже построен, и сын вырос, и дерево у калитки или рядом с самим домом широко раскинуло крепкие ветви.

И дом, и дерево, и сын останутся после меня, а раз останутся они, созданные мною, то, значит, останется и память обо мне – то есть я не исчезну, а останусь, не умру. В этом и есть смысл, поэтому я строил дом, сажал дерево, рожал сына – чтобы остаться, не исчезнуть бесследно, не умереть, чтобы обо мне помнили и сын, и его дети, мои внуки.

Значит, мое бессмертие в памяти обо мне.

Но надолго ли? Ведь я всю жизнь помню о своих отце и матери после их смерти, и о дедушках и бабушках – помню, а вот прадедушек, которых ни разу не видел... Имя одного из прадедушек я знаю и помню, имя второго прадедушки даже не знаю. А тех, кто был их отцами тем более не знаю, не помню, не могу помнить. Значит, память и обо мне в моих детях, внуках, правнуках не вечна, коротка.

На два-три поколения, не больше.

Человек, построивший дом, посадивший дерево, родив-

ший сына, будет вскоре забыт. Дом, им построенный, станет тесен и неудобен, и в конце концов заброшен. Посаженное им дерево, даже если это долголетний дуб, рано или поздно срубят, а если нет, то оно упадет, поваленное ветром. А потомки – дети его детей, правнуки и праправнуки не будут знать его имя.

ТРЕТИЙ САМООБМАН

От смерти и забвения спасает посмертная память. Не наивное недомыслие, что, мол, умирают другие, а не я, и потому я не умру, и даже не иллюзорное продолжение себя в своих детях и внуках и последующих потомках.

Спасает то, что, будучи созданным тобою надолго, очень надолго переживет тебя.

Конечно же не ветхая хижина, жалкая лачуга, приют одинокого странника и не добротный дом о четырех стенах под теплой крышей, а желательно грандиозный блистательный храм или хотя бы поражающий размерами акведук, то есть водопровод.

А еще лучше поэма вроде «Илиады» Гомера, передаваемая из поколения в поколение вечнопомнящими рапсодами, а потом навсегда запечатленная письменами на бумаге, способной хранить память тысячелетиями. Или трактат, кладезь высоких истин или логических умозаключений, а то и просто математических формул. Или симфония, восхищающая трогаящими душу созвучиями, заставляющими печалиться или радоваться, или картина, в красках передающая живость тел и черты лиц.

Так рождается третий самообман. К нему прибегают те, кого, в силу их способностей и склонности к размышлениям, не спасает не только первый самообман, но и казалось бы

естественный и надежный самообман второй.

Конечно же – весь я не умру, «душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит», а тлена убежав, и после смерти будет жить.

Стихосложение не всем доступно, как и поэтический восторг. И не всякий может изложить на бумаге свои мысли, печали и откровения, а тем более сделать это с помощью флейты или кисти и красок.

Ну тогда нужно совершить какое-либо деяние, которое навеки запечатлелось бы в памяти потомков. Победить в кровопролитном сражении, или издать мудрый закон, или хотя бы произнести пламенную речь в сенате или парламенте, вызвав восторг на верхних галереях, предназначенных для публики, или блеснуть словесами в бурной толпе на площади.

Или сказать остроумную фразу, например: «деньги не пахнут» или даже сжечь прекрасный храм, и тогда твое имя, вопреки запретам упоминать его, не канет в небытие.

Третий самообман – удел не только поэтов, художников, правителей и готовых все преступить безумцев. Люди в массе своей не пишут поэм, но читают их; не отливают памятники и статуи, но видят их; не воздвигают храмы, но молятся в них; не руководят сражениями, но участвуют в них, усердно убивая друг друга, гибнут или потом празднуют победу; не произносят речей, но рукоплещут ораторам.

Все это дает людям возможность жить единой жизнью и

чувствовать себя единым народом, нацией. И потому люди, принадлежащие к одному народу, подсознательно верят, что забвение не грозит им, пока будет длиться и повторяться из века в век бытие их народа, и они, память о них, не исчезнет, пока живет и пребывает в этом мире их народ – народ, частью которого они являются.

Но человек, способный думать и не пренебрегающий законами логики и известными уже людям знаниями, догадывается, сам того не желая, что и третий самообман всего лишь самообман и спасает человека только от страха смерти, но не от самой смерти, когда она рано или поздно придет к тебе.

Жива память и о князе Александре Невском, не исчезло имя легендарного Рюрика, основателя русского государства, помнят и его преобразователя – Петра I, хранятся в музеях короны и скипетры императриц и императоров, их лица запечатлены на портретах. Звучит музыка Глинки и Чайковского, люди читают Толстого и Достоевского. Нет в России человека более известного, чем Пушкин. Стихи его кажутся нетленными – они напечатаны в книгах, изданных миллионными тиражами, чуть ли не каждый из ныне живущих знает на память хотя бы одно четверостишие, многочисленные потомки Пушкина живут и поныне помнят и чтут своего гениального предка.

Память о нем жива в сердцах и умах его прямых родственников и в сердцах и умах всего народа. Память жива. Но вот

сам он покоится под мраморной могильной плитой, как и многие его современники, от которых не осталось ничего – ни стихов, ни поэм, только имя на могильной плите, да и оно часто уже стерто – не образно – временем, а водой дождей и пылью, разносимой ветром.

И догадка, опирающаяся на безразличную логику, что одинакова участь и тех, о ком мы помним, и тех, кто давным-давно забыт, оказывается сильнее желанной мысли, что те, кто живет в нашей памяти, действительно живы и незримо присутствуют в этом мире.

«Но я поэт, червь кость мою не сглохнет», – писал молодой еще Державин, надеясь на вечную жизнь. Однако истина перевесила, и едва послушная рука в последние мгновения жизни вывела на бумаге строки неоконченного стихотворения:

...Река времен в своем стремленье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы».

И эти незаконченные строки стали самым законченным произведением великого поэта, нашедшего в последние ми-

ноты своего бытия силы и смелость сказать и себе, уходящему, и всем, остающимся, правду, самую страшную и нежеланную, но правду.

А правда в том и заключается, что жерлом вечности, пугающей, непостижимой, kloкочущей лавой безвременности пожрется все – все, совершенно все без исключения и остатка, утонет, исчезнет в омуте забвения и небытия – и величественные мраморные храмы, и медные и бронзовые памятники; и память о битвах и подвигах, великих открытиях и достижениях; и поэмы, трактаты и симфонии; и отзвук монологов гениальных актеров, и мелькание черно-белых и цветных теней на киноэкране; и обрывки строк в Интернете.

Саркастически оптимистический ответ персонажа анекдота на лицемерно заботливый вопрос о здоровье – «Не надейтесь» – в одинаковой мере относится и к спрашивающим, и к нему самому. Оснований надеяться нет ни у спрашивающих, ни у отвечающего. Надежды можно возлагать только на три самообмана – больше не на что.

И ВСЕ ЖЕ ЭТО ТОЛЬКО САМООБМАН

Люди, живущие подсознательно, у которых третий самообман запятан глубоко в недра души и разума, никогда не усомнятся в нем, их существование защищено от ужаса бессмысленности бытия и страха смерти трижды: незнанием, нежеланием знать и неспособностью знать. Их, этих людей, существование надежно охраняют все три самообмана; первый, конечно, несколько сомнителен, колебим смутными, тревожными, неясными, прочь отгоняемыми догадками, зато второй и третий самообманы непоколебимы и спасительны.

Людям, которым свойственно задумываться, которые способны размышлять и даже, как им кажется, что-то, хоть что-то понимать, мыслить, вольно-невольно отгоняя от себя мысли, иной раз проклиная эту свою способность мыслить, а следовательно, погружаться в страх оцепенения от ужаса, ужаса непостигаемо-непостижимого, ужаса неотвратимой, всем предстоящей смерти – труднее.

Ведь в самом деле все смертны, смерть неизбежна, все пожрется темной, беззвучной, не нарушаемой тиканьем часов, безвозвратной, неодолимой вечностью, все поглотит забвение. Все, и даже, казалось бы, вечный в веках твой народ, ча-

стью которого ты являешься и во все продолжающемся бытии которого подсознательно надеешься избежать исчезновения навсегда.

Сколько их было разных народов – египтян и вавилонян, мидян, македонян и этрусков – и все они исчезли с лица земли. О некоторых мы еще помним, знаем о многих подробностях их присутствия в этом мире, а бытие древних греков и римлян даже как будто перетекло в нашу жизнь и мы живем, словно продолжая их жизнь, чувствуя и понимая этот мир так, как когда-то они.

А сколько было таких народов, от которых осталось почти только имя да кое-какие сведения и кое-какие предметы археологических раскопок. Например скифы – великий народ, населявший огромные пространства, завоевавший многих своих соседей, народ, именем которого иной раз поэтически обозначают совсем недавно появившихся из глубин древности предков славян.

А сколько народов и племен кануло в небытие вечности, не оставив даже имени.

А ведь они существовали под этим, казалось бы, приятным, но безразличным солнцем, жили, добывали себе скудную или обильную пищу, строили жилища, радовались успехам и огорчались извечными бедами и разными неудачами, рожали детей, чаще всего сами не зная зачем, реже – надеясь на продолжение рода, думали и размышляли, смотрели ночью на звезды, непостижимые в вечном сиянии, следова-

ли своим обычаям, чтили предков, заботились о потомках, передавали из уст в уста сказания о подвигах своих героев, сочиняли песнопения, танцевали, ловко перебирая ногами, и устраивали торжественные шествия, поклонялись богам и сомневались в их существовании, хоронили своих умерших и рано или поздно исчезали; и нет следов их бытия на земле, память и сведения о них растворились и забылись и от них не осталось ничего, ничего, совершенно ничего, кроме кое-каких намеков, позволяющих догадываться, что некогда жил некий народ.

И конечно же, рано или поздно так будет и с древними греками, и с римлянами, и, конечно же, и с нами, надеющимися на бессмертие в бытии своего народа, своих детей и наивно пытающихся убедить себя, что умирают другие, а не я, другие, а не мы.

О РАЗНИЦЕ МЕЖДУ САМООБМАНАМИ И ОБМАНАМИ

Кроме трех основных самообманов, дающих нам иллюзорную надежду избежать смерти и небытия и тем самым позволяющих жить, преодолевая, отодвигая страх смерти, есть и некоторое количество не самообманов, а обманов, придуманных для этой же цели. Многие из них очень распространены и имеют большое значение для огромного числа людей, племен и народов.

Разница между самообманом и обманом велика.

Три главных самообмана никем не выдуманы, не сформулированы с целью навязать их другому человеку, они не созданы в тиши кабинетов, не почерпнуты из груды книг и трактатов, написанных, может быть, полусумасшедшими мечтателями, а то и грамотными кретинами, не рождены в мгновения то ли неожиданного просветления, то ли умопомрачения провидцами и вероучителями, часто страдающими то шизофренией, то эпилепсией, которые не всегда самым лучшим образом влияют на умственную деятельность.

Они – эти три главных самообмана – возникают у человека самопроизвольно, их никто не навязывает, в них не убеждают других, они только для себя, да еще для самых близких,

и то в минуты редких откровений.

Они рождаются подсознательно в сердце, душе и в разуме из некой живительной тайны в попытке осознать себя в этом мире. Они естественны как само желание жить. Они неоспоримы, незыблемы и не требуют ни самозабвенных молитв, ни обрядов, ни теоретических обоснований, ни убедительных гипотез и точных расчетов, ни экспериментов и показаний сложных приборов в результате хитроумных опытов. Они не прописаны в священных текстах и не нуждаются ни в демонстрации чудес, ни в подтверждении мнением вождей или большинством голосов парламента или собрания общины единоверцев или математической формулой.

Они – как некая неуловимая суть жизни, как сама жизнь, они часть ее – жизни – первооснов. Они спасительны и утешительны, они поддерживают и греют как последняя, никогда не исчезающая надежда.

За них не нужно платить денег и даже тратить на них время.

Обманы проповедуют вероучители и философы, вернее, псевдофилософы, которые наряжаются в одежды философов, и авторы теорий, гипотез и систем мироустройства, вплоть до откровенных жуликов, промышляющих как интеллектуальным, так и самым простым выуживанием денег у доверчивых людей.

Главный и единый признак всех обманов – они требуют оплаты, прямой или косвенной. Ну а кроме того они почти

всегда сопровождаются резней инаковерующих, инакомыслящих, инакопонимающих и инакоживущих, и если не резней, то травлей или снисходительным презрением.

ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ ОБМАНОВ

Один из основных обманов заключается в утверждении, будто смертно и тленно тело человека, что очевидно, хотя из этого тоже пытаются находить исключения в виде мумий и мощей – а вот душа...

Душа невидима и неуловима – вот она-то после смерти, покинув тело, и продолжит существовать. Либо в аду, испытывая телесные мучения за прижизненные грехи, либо в раю, наслаждаясь скромными или совсем не скромными удовольствиями. Хотя, по представлениям атеистов, она рассеется в пространстве, как рассеиваются искры пламени угасающего костра, растает, как туман над случайной лужицей, и исчезнет, пропадет навсегда.

Согласно еще одному домыслу-обману, бессмертная душа, после того как износится ее временноеместилище – тело, переселяется в другую телесную оболочку – в цветок, в дерево, в кролика, в слона или в тело другого человека – и продолжает жить.

По новейшим обманам, душа после смерти тела существует в виде электромагнитных полей и линий в сферах тонких материй. В будущем она, душа, в виде сгустка силовых линий все того же электромагнитного поля продолжит вечную свою жизнь, управляя сконструированным взамен недолговечного тела металлическим роботом – все дело только за

созданием этого человекоподобного механизма с комплектом запасных деталей.

Ну а если такая картина не по вкусу, тогда будем уповать на успехи в биологии и медицине, то есть на пересадку пришедших в негодность органов и замену их другими, выращенными в лабораториях, а пока изымаемых из неостывших трупов молодых людей, по неосторожности, раньше положенного срока покинувших сей мир; желательно только, чтобы они при жизни были крепки и здоровы. Пересадка органов позволит практически вечно сохранять жизнь в ненадежном и потому время от времени обновляемом теле.

Но есть опасение, что и душа может изнашиваться, как почки и печень, и ей тоже потребуются запасные детали, но биологи, медики и психологи, ученые люди решат как-нибудь и эту задачу, они в последние сто-двести лет довольно успешно подвигают человека к бессмертию. Когда-то человек умирал от обыкновенного аппендицита, воспаления легких или оспы и жил в среднем лет сорок. А теперь с помощью антибиотиков и прочих ухищрений избавленный от многих препятствий на пути к вожаденной, пусть в чем-то пока не совсем понятной вечности, человек живет в среднем лет шестьдесят-семьдесят, и ученые и врачи считают, что даже при нынешнем уровне науки ресурс человеческого организма – лет сто пятьдесят, а то и триста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.